

Валерий Соляник

«ОСЕЛ БЫЛ САМЫХ ЧЕСТНЫХ ПРАВИЛ...»

(Два века назад А.С. Пушкин начал писать роман в стихах «Евгений Онегин»)

А

не напоминает ли вам этот заголовок что-то очень и очень знакомое? Правильно! Почти начало «Евгения Онегина». Первая строка: «Мой дядя самых честных правил». И эта строка романа как вызывала споры двести лет назад, так и до сегодняшнего дня все еще остается непроясненной.

Строка эта созвучна с началом басни Крылова «Осел и мужик». Именно со слов «Осел был самых честных правил» эта басня и начинается.

Прошло два столетия, а ясности так и нет. Что это? Сознательный пушкинский перефраз строки крыловской басни или же всего лишь случайное совпадение без какого-либо подтекста и намека?

Это не имело бы никакого значения, если б не включало в себя одну из важнейших нравственных и психологических характеристик Онегина.

Если иметь в виду крыловского осла и характеристику дяди, данную Онегиным, то эта строчка говорит о многом. По сути дела, Онегин размышляет: «Мой дядя — осел самых честных правил! Надо же, ничего лучше выдумать не мог, как заставить себя уважать, и призвал меня ухаживать за собой, лежащим при смерти».

Здесь уже не скучающий и не страдающий эгоист. Здесь эгоист — рафинированный, отъявленный, не терпящий ни малейшего ущемления личного спокойствия и своеволия. «Я» для Онегина — первая, главная и основная буква алфавита.

Вряд ли Пушкин, в совершенстве владевший рифмой и обладавший огромным словарным запасом, просто так, без какого-либо смысла стал бы почти цитировать Крылова.

Это только один небольшой нюанс в пушкинском романе. Взятый же в целом, роман не просто многопланов по своему содержанию и сюжету. Он поистине многослойный, а то и с «двойным дном», со скрытым смыслом, который улавливали далеко не все современники Пушкина, не говоря уже о потомках.

На время написания романа Пушкиным приходится закат «гвардейского столетия», конец эпохи дворцовых переворотов силами гвардии. Пушкинской эпохой завершается «дамский век» российского самодержавия. Наконец, именно в пушкинскую эпоху по-настоящему началось пробуждение национального самосознания в российском обществе, родилась и утвердилась целая плеяда блестящих литераторов, композиторов, художников, литературных критиков и публицистов.

В послепушкинский период русская литература дала миру величайшие творения в прозе, однако пушкинский «Евгений Онегин» так и остался единственным и непревзойденным, который и сегодня побуждает искать истинный смысл и историческое содержание, казалось бы, в уже давно осмысленных и расшифрованных страницах.

В.Г. Белинский назвал роман «Евгений Онегин» «энциклопедией русской жизни». Но энциклопедия говорит о том, что есть, что уже было, что состоялось. Пушкин в «Онегине» говорит не только об этом. Он размышляет об исторических судьбах России, о том, что только просматривается в общих чертах, что рождается во всех переплетениях действительности первой трети XIX века.

Герои романа — молодые люди конца царствования Александра I, когда уже постепенно угасал тот искренний подъем, который был вызван победой над Наполеоном, когда чванливая Европа увидела истинную Россию, а Россия в массовом порядке познакомилась с Европой. Известны слова, что Александр I показал Европе Ивана, а Ивану — Европу. Почти это же можно сказать и о 1945 году, когда Европа и Россия пристально взглянули друг на друга и обменялись впечатлениями.

И если взаимное знакомство в XIX веке обернулось в России 1825 годом, то за знакомством 1944-1945 годов в Советском Союзе последовал 1949, а в конечном счете и 1991 год.

Каждое явление в своем развертывании стремится к превращению в собственную противоположность! Эта глубокая мысль Гегеля, может быть, нигде так не реализовалась, как именно в российской истории. Скорее всего, не случайно именно у нас и родился печально знаменитый афоризм: «Хотели как лучше, а получилось как всегда».

* * *

Если убрать с авансцены романа всех «мимолетных» героев и героев, создающих фон и колорит, то мы практически имеем лишь троих, которые по-настоящему значимо влияют на его сюжет. Это Онегин, Ленский и Татьяна. Четвертый герой романа — Пушкин — выступает своеобразным «гидом» и комментатором. Он не влияет на развертывание сюжета, но при этом постоянно присутствует и формирует характер восприятия происходящего.

Все же остальные персонажи вписаны в общую мозаику российской действительности XIX века. Они ее олицетворяют, но, в отличие от трех главных фигур, не являются двигателями сюжета. Это Прасковья Ларина и ее супруг; это соседи Онегина и Ленского, московские кузины старшей Лариной, няня Татьяны. Наконец, это и Ольга, которая самостоятельного значения в романе не имеет. Ее даже нельзя назвать причиной гибели Ленского, ибо она здесь играет роль статиста: от нее ничего не зависит.

Нас интересуют прежде всего Онегин и Ленский, ибо у Татьяны «ответная» роль — не она определяет то, что происходит по воле других. И лишь только в сюжете с письмом Онегину, и в значительной мере с письмом Онегина к ней самой, Татьяна играет «первым номером».

ИТАК, ОНЕГИН И ЛЕНСКИЙ.

Они сошлись. Волна и камень,
Стихи и проза, лед и пламень
Не столь различны меж собой.
Сперва взаимной разнотой
Они друг другу были скучны;
Потом понравились; потом
Съезжались каждый день верхом
И скоро стали неразлучны.

А теперь давайте вместе немного поразмышляем: кто такие эти «они», которые сошлись на просторах Северо-Западной Руси? Только ли Онегин и Ленский?

Думается, что это сошлись не просто «волна и камень, лед и пламень», а **два возможных будущих страны**. Сошлись два представителя молодой России, выделявшиеся по своему образованию, уму, потенциалу и общественной роли в повседневном, обыденном, полусонном царстве умственной лени, стандартных привычек и наклонностей.

Нет, эти двое не были «лучом света в темном царстве». Они были скорее «тлеющей искрой» или «бикфордовым шнуром» в недрах самодержавной александровско-николаевской России. Они во многом принадлежали прошлому России. Они его дети. Но именно за ними было ее будущее. Кто окажется в центре завтрашнего дня? С кем Россия пойдет в грядущий век?

НОМЕР ПЕРВЫЙ. ОНЕГИН — «ДОБРЫЙ ПРИЯТЕЛЬ» ПУШКИНА!

По словам Пушкина:

Онегин был по мнению многих
(Судей решительных и строгих)
Ученый малый, но педант:
Имел он счастливый талант
Без принужденья в разговоре
Коснуться до всего слегка,
С ученым видом знатока...

Однако у Пушкина нет прямой оценки того, откуда взялся этакий верхогляд. Нет раскрытия характера его детского и отроческого воспитания. Нет характеристики его воспитателя или воспитателей.

У Пушкина лишь сказано:

Судьба Евгения хранила:
Сперва Madame за ним ходила,
Потом Monsieur ее сменил.
Ребенок был резов, но мил.
Monsieur l'Abbé, француз убогой,
Чтоб не измучилось дитя,
Учил его всему шутя...

В первом варианте текста романа учитель Онегина был не французом, а швейцарцем, к тому же очень умным:

Мосье швейцарец очень (умный)
Учил его всему шутя.

Откуда же затем взялся аббат и что он вообще из себя представляет? По распространенной, а по сути дела единственной и единогласной версии, это бывший на-

стоятель католического монастыря, приехавший в Россию и ставший воспитателем дворянских юношей. Однако здесь есть очень большое «но».

Во Франции существовало два значения слова «аббат». Первое — действительно настоятель католического монастыря. Это, между прочим, был довольно высокий (генеральский) ранг священнослужителя, за которым следовал ранг кардинала и который в зрелые годы получил шевалье д'Эрбле (Арамис) у Дюма. Аббаты-настоятели монастырей гувернерами по странам Европы не ездили.

Это делали совсем другие «аббаты», о которых говорится в двухтомнике Инспектора училищ Санкт-Петербургского округа, автора ряда книг по русскому языку и переводу с французского на русский и обратно, М.И. Михельсона «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии». Двухтомник был издан в середине XIX века в Санкт-Петербурге и переиздан в 1997 году издательством «Терра-TERRA».

«В конце XVIII века, — пишет Михельсон, — члены аристократических семейств во Франции получали (а по сути дела покупали по аналогии с индульгенциями — В.С.) нередко титул аббата, не состоя при этом в духовном звании.

Как непременные члены в некоторых аристократических гостиных, они отличались светскими манерами и специально занимались политическими и любовными интригами. У нас они занимались и педагогикой».

Кроме того, замечает Михельсон, глагол «аббатить» означал также заниматься «пронырством и ухаживанием».

Звание «аббата», купленное неженатым светским мужчиной зрелых лет, как бы оправдывало его холостяцкое положение в глазах общества. Вот эти-то аббаты-холостяки и занимались воспитанием аристократической молодежи в крупных российских городах и, в частности, в Петербурге. Личности, что и говорить, были своеобразные и научить могли весьма многому.

Это несколько по-иному (нежели только в связи с началом войны с Наполеоном) заставляет задуматься над строкой из романа: «Когда же юности мятежной пришла Евгению пора, пора надежд и грусти нежной, Monsieur прогнали со двора». А почему именно «прогнали»? Почему не убрали, не уволили или что-то в этом роде? Именно прогнали...

В черновой редакции у Пушкина есть строка: «Мосье же стал наперсник нежный». Это также представляется не менее существенной причиной наряду с началом войны с Наполеоном и антифранцузскими настроениями в обществе.

Скорее всего, здесь сработали оба фактора: и война с Наполеоном, и личные качества пресловутого «мосье-аббата».

Мы потому так много внимания уделили этой проблеме, что отрочество Онегина, если бы оно действительно прошло под влиянием воспитания аббата-католика, настоятеля монастыря (как было принято считать еще с советских лет), должно было бы дать во многом иной результат, нежели тот, что мы видим в романе Пушкина.

Не кажется ли вам, что Онегин, по сути дела, является атеистом? Что у него довольно много черт, существенно напоминающих положительных героев Мопассана? Он не развратен, но он душевно и не целомудрен. Он действительно Monsieur Онегин. Он не просто хандрит, не просто объят тоскою. Он к двадцати шести годам устал от жизни и в этом он во многом, как сказано у Н.А. Добролюбова, — предтеча Обломова.

* * *

Одним из существенных вопросов, которые возникают при чтении крупных литературных произведений, является вопрос о прототипах, стоящих за образами героев. Подчас этот касается и персонажей. В «Евгении Онегине» этот вопрос не играет такой уж существенной роли. Гораздо важнее вопрос о происхождении и значении фамилий главных героев — и, в первую очередь, фамилий Онегина и Ленского.

Онегин и Ленский? Это просто фамилии, взятые наугад, или же они имеют какой-то определенный смысл?

Когда речь идет о фамилиях Онегина и Печорина, то здесь все ясно. Природно-географическое созвучие фамилий героев говорит об их духовной близости, в сходстве характеров, о единстве участи и судьбы.

Кроме того, сходство фамилий говорит и об их географической родине. Это помещики северо-западной Руси, исконно русских земель, к тому же преимущественно с оброчным, а не барщинным типом хозяйствования. Барщина в этих местах не играла той огромной роли и экономического значения, которые она имела на степных черноземных землях. Правда, она имела важнейшее значение для функционирования принадлежащих помещикам заводов, где как раз труд крестьян был барщинным.

Поэтому, когда Онегин «ярем барщины старинной оброком легким заменил», то он должен был, во-первых, отдавать себе отчет, что он сворачивает работу дядиных мануфактурно-крепостнических заводов, а во-вторых, должен был как-то решать проблему обработки своей помещичьей земли.

Возможно, что он раздал землю в пользование крестьянам с условием отработок и выplat. То есть сделал нечто похожее на арендную плату.

Но в любом случае он снижал свои доходы. Однако следует учесть, что Онегин был «наследником всех своих родных» и это позволяло ему экспериментировать и вольнодумствовать.

Подводя определенную черту, можно без сомнений утверждать, что близость фамилий Онегина и Печорина объясняется со многих жизненных позиций, а не является только плодом творческих находок авторов.

Здесь дело посложнее и проблема глубже. О каком Ленском-помещике с Лены могла идти речь в 20-е годы XIX века? Да и не только в 20-е! Поместье в Ленской лесотундре?! Под боком у Северо-Ледовитого океана?!

О помещике Елецком речь могла идти вполне. О Томском — реже, но все же могла. А вот Ленский — что-то подобное Ямальскому или Таймырскому, если следовать природно-географическим истокам.

Однако фамилия Ленских в России не только могла быть, но и была.

Прежде всего Ленские — это потомки внебрачного сына кого-то из князей Оболенских. Имелись же на Руси дворяне Пнины (Пнин — внебрачный сын Репнина). Дочь Екатерины II и Потемкина Елизавета носила фамилию Темкина. От Любарских пошли Барские, от Милославских — Славские. Так почему бы «богатый и хороший собою» Ленский не мог быть потомком Оболенских?

Вместе с тем есть и другой вариант фамилии Ленских: польские шляхтичи, оказавшиеся в России в результате разделов Польши. Ленские в Польше действительно были и, более того, даже состояли в родстве с одной из польских королевских ветвей — с Лещинскими.

Согласитесь, что это несколько иной оборот, нежели водоемно-географические фамилии мифических дворян. Но хотя Ленские в России были уже российскими дворянами, тем не менее, где-то в глубине души они оставались польскими националистами. Недаром Владимир поехал в Геттингенский университет.

Ленский у Пушкина показан дворяком. В конечном итоге это молодой человек «...по имени Владимир Ленский, с душою прямо геттингенской, красавец, в полном цвете лет, поклонник Канта и поэт».

В черновом же варианте это звучит несколько по-другому: «...душою школьник геттингенский, красавец в полном цвете лет, крикун, мятежник и поэт». Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы увидеть, что крикун и мятежник — это не совсем то же, что только поклонник Канта. Да и по отношению к чему и к кому он был мятежником и крикуном?

Если в окончательном варианте Ленский привез в Россию вольнолюбивые мечты из «Германии туманной», то в варианте черновом — из «Германии свободной». Геттингенский университет имел репутацию распространителя в Европе революционного духа, чем вызывал неприязнь Александра I.

Поэтому Ленский — далеко не просто восторженный, романтический юнец, живущий идеалами шиллеровских баллад и соединяющий в себе демократические и монархические начала.

Он во многом внутренне исповедовал идеалы шляхетской вольности, ощущавшей если не равенство с королевской властью, то внутреннюю от нее независимость.

Есть здесь еще один маленький штришок. Из седьмой главы следует, что Ленский был похоронен не на сельском кладбище, а возле его ограды, «в тени двух сосен устарелых». Это могло быть в двух случаях: либо сельский священник, чтобы замять дуэль, составил акт о самоубийстве; либо Ленский был крещен в католичество, и сельский священник отказался его отпевать на православном кладбище.

Из романа мы так ничего по-настоящему о Ленском не узнали. Он оказался неким «мистером икс». В своей усадьбе он жил анахоретом, никого к себе не приглашая, даже Онегина. Напротив, он сам жил, что называется, «в людях», постоянно гостил, то у Онегина, то у Лариных. Ничего неизвестно и о его родителях, кроме того, что они умерли, не дожив до восемнадцатилетия сына.

Поэтому читателю самому приходится судить, кем же все-таки был этот «крикун, мятежник и поэт».

Что же касается Онегина, то он не только старше Ленского на восемь лет по возрасту, но и гораздо содержательнее по своему идейно-политическому мировоззрению и интеллектуальному багажу.

Об этом говорит уже характер и содержание онегинской библиотеки, которую Пушкин по какому-то ему одному ведомому смыслу так и оставил в подготовительных вариантах.

Библиотека Онегина по тематическому подбору и авторам работ резко контрастирует с характеристикой Евгения, данной в первой главе. Это философско-историческая, экономическая, атеистическая и публицистическая литература, во многом подготовившая в идейном плане Великую французскую буржуазную революцию. Не просто читавший эти книги, но и возивший многие из них с собой по России, Онегин просто не вписывается в пушкинскую характеристику начала романа.

Уже один перечень авторов книг из онегинской библиотеки говорит о многом: Байрон, Вольтер, Гельвеций, Гольбах, Гораций, Дидро, Локк, Лукреций, Мабли, Робертсон, Руссо, Смит, Шатобриан, Цицерон, Юм — их книги указывают нам на широчайший кругозор Онегина. И он уж далеко не «пародия», как в сердцах восклицает Татьяна, читая книги из его библиотеки.

На той злосчастной дуэли не просто дворянин Онегин убил дворянина Ленского. Это — всего лишь внешний фон. Столкнулись два западных влияния на Россию и на ее просвещенное сословие: французское и английское с германо-юнкерским, шляхетским. В этом столкновении и в этой борьбе за умы и сердца России, за ее выбор франко-английское буржуазное завтра России убивает германо-юнкерское и шляхетское.

Но не менее важно и то, что душа России, ее женственное начало, как в лице Ольги, так и Татьяны, пошла за третьими: за Уланом и Генералом — за опорой российской независимости, за гарантом ее суверенитета.

Но нет в мире ничего загадочнее и непредсказуемее, чем женская душа. Душа не имеет возраста. Она не знает старости. Она вечна в своей девственности.

Московская кузина Прасковьи Лариной, княжна Алина, увидев Татьяну, вдруг встрепенулась и спросила у старшей Лариной о ее первой девичьей любви, о благородном юноше-сержанте гвардии, которого в молодости девушки нарекли именем романтического и целомудренного героя романа Ричардсона «Грандисон».

Кузина, помнишь Грандисона?

— Как, Грандисон?... а, Грандисон?

Да, помню, помню. Где же он?..

«Любви все возрасты покорны». Вот и матушка-Ларина, приехавшая выдавать замуж дочку, вдруг встрепенулась душой. Что же тогда говорить о Татьяне? Об Онегине?

Но Пушкин семь лет писал роман не о любви Татьяны к Онегину и Онегина к Татьяне. «Евгений Онегин» — роман не только об этой любви. Он, прежде всего, о любви к России, о той любви, что лежит где-то в глубине души. Это роман-раздумье о будущем России, о героях завтрашнего дня, призванных ввести Россию в это достойное, хотя, может быть, и неблизкое будущее.

Вот почему Пушкин меняет варианты текста, а и отбрасывает целые главы, меняет оценки героев и их судьбы. Он ищет путь в будущее, ищет облик того самого героя, о котором мечтал с юности и которым грезил.

Скорее всего, он так до конца и не решил этой задачи. Не решил, с кем, за кем и куда должна пойти Россия. Водоразделом стало 25 декабря 1825 года. В 1831 году в стихотворении «Клеветникам России» — уже другой Пушкин.

На этом можно было бы и завершить наш экскурс в пушкинский роман. Но осталась одна важнейшая загадка.

ДЕСЯТАЯ ГЛАВА

Главный вопрос X главы не в том, о чем она повествует. Это достаточно ясно даже по тем фрагментам, которые дошли до нас. Главное — в том, **кто стоит за ней в качестве рассказчика?** От чьего имени идет повествование?

К концу восьмой главы «в строю» остались четверо героев романа: Онегин, Татьяна, муж Татьяны и сам Пушкин, который также является действующим лицом, причем достаточно активным и значимым.

Кто же повествует о преддекабрьских событиях и годах? Кто является либо будущим декабристом, либо лицом, чрезвычайно близким к декабристам?

Татьяна отпадает сразу. Пушкин, скорее всего, также отпадает. Это следует из XV стиха X главы:

Читал свои Ноэли Пушкин,
Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал.

Пушкин по ходу романа нигде не говорил о себе в третьем лице. Здесь же кто-то видит собрание будущих декабристов, в том числе и Пушкина, со стороны, присутствуя в качестве свидетеля.

Остаются двое: Онегин и муж Татьяны. Вот на них-то и следует обратить внимание.

Онегин, скорее всего, отпадает. И вот почему. Имеется высчитанный календарь романа, хронология событий, в том числе и по отношению к главным героям.

Онегин родился в 1795 году. В 1805 году ему было десять лет. Насколько он мог обоснованно рассуждать о событиях времени Аустерлицкого сражения?

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.
.....
Его мы очень смирным знали,
Когда не наши повара
Орла двуглавого щипали
У Бонапартова шатра.

Онегин в 1812 году в свои семнадцать лет, в отличие от многих дворянских юношей, не пошел добровольцем в ряды русской армии. Он где-то отсиделся в Питере, ведя светский образ жизни. Да и вообще, на протяжении действия всего романа Онегин так и не начал нигде служить, являясь «белой вороной» в кругу дворянства. Неслужение делало его вызывающим исключением (хотя по Указу Екатерины II «О вольности дворянства» это и не являлось нарушением закона). Между прочим, Пушкин достаточно доброжелательно относился к подобному неслужению. В «Барышне-крестьянке» отец Алексея Берестова говорит сыну, собиравшемуся служить в армии, что не в армии, командуя взводом или полуротой, можно принести реальную пользу, а именно здесь, в имении, организуя жизнь и труд нескольких тысяч человек.

В любом случае, рассуждения о сражениях, о войне в целом, о полководцах и военачальниках как-то не очень вяжутся с личностью Онегина. Он все-таки — «тыловая крыса!»

Другое дело генерал — муж Татьяны. Мы ничего не знаем о его возрасте, да и о его генеральском ранге. В те годы достаточно часто встречались генералы даже в возрасте менее тридцати лет. Если муж Татьяны в 18-20 лет участвовал офицером

в войне с Наполеоном, то к 1825 году ему могло быть менее 35 лет. Тридцать пять же было нормальным возрастом даже для генерала от кавалерии или от инфантерии. Разница с Татьяной в 15 лет была скорее нормой, нежели чем-то из ряда вон выходящим. Поэтому потенциально он более, чем сугубо штатский и вечно скучающий Онегин, подходит по своим данным к кругу декабристов,

Конечно, в жизни бывает все, и от безысходной тоски, в которой все время пребывал Онегин, можно было угодить куда угодно, в том числе и в мятежники.

Да, Пушкин высказывал мысль, что Онегин в итоге может погибнуть на Кавказе или стать в ряды декабристов. Но это всего лишь идея автора, возможная версия, которая не подкрепляется сюжетно.

Однако говоря о X главе, мы все же должны отдавать себе отчет, что все наши идеи и догадки, все версии и предположения догадками так и остаются. Десятая глава дана нам не для того, чтобы мы за Пушкина дописывали роман.

Он закончил его тем, что мы видим и знаем. Все остальное — наши личные построения, хотя, может быть, и в достаточной степени привлекательные: как, например, ссылка мужа Татьяны (декабриста) в Сибирь и ее отъезд вместе с женами декабристов «во глубину сибирских руд!»

А что? Татьяна смогла бы — это не Ольга!

